

Б. Ю. Норман

<https://orcid.org/0000-0001-8520-5387>

✉ boris.norman@gmail.com

Независимый исследователь
(Республика Беларусь, Минск)

К ПОЭТИКЕ ТЕЛЕСНОГО НИЗА (ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО ФАИНЫ РАНЕВСКОЙ)

Аннотация. Фаина Раневская (1896–1984) — известная русская комедийная и драматическая актриса, многие высказывания которой со временем стали афоризмами. В статье на основе документальных источников анализируются особенности речи Фаины Раневской, в том числе ее склонность к обценной лексике (названиям телесного низа, скатологической теме). Приводится большой иллюстративный материал. Это диалогические реплики, произнесенные в театральной среде (нередко в качестве своего рода защитной реакции), высказывания, содержащие мизантропическую оценку окружающей действительности (зафиксированные в сохранившихся письмах и записях Раневской), критические рефлексии актрисы над собственной жизнью и творчеством и т. п. Использованная здесь обценная лексика сводится к нескольким основным темам. В частности, речь идет о публичном употреблении русского слова *жопы*. В качестве фона привлекаются факты, позволяющие говорить об отношении к данной тематике в русском обществе XIX–XX вв. Кроме стремления эпатировать окружающих, причиной такого речевого поведения Ф. Г. Раневской могут быть возраст, состояние здоровья, неудовлетворенность личной жизнью, отношение к искусственной языковой норме и прочим социальным обстоятельствам и т. д. Характеризуется отношение актрисы к ее современникам, в первую очередь коллегам по театру (Ю. А. Завадскому, И. А. Пырьеву, Н. П. Охлопкову, В. П. Марецкой, П. Л. Вульф и др.). Делается попытка обрисовать сложный психотип личности. С этой целью делается экскурс в область практической психиатрии. Вывод: описанный случай не исключает вероятности синдрома диссоциативного расстройства идентичности, находящего свое отражение в речи.

Ключевые слова: Фаина Раневская, литературное наследство, афоризмы, обценная лексика, скатологическая тематика, психотип, диссоциативное расстройство идентичности

Для цитирования: Норман Б. Ю. К поэтике телесного низа (литературное наследство Фаины Раневской) // Шаги/Steps. Т. 11. № 1. 2025. С. 303–315.

Поступило 22 марта 2024 г.; принято 21 января 2025 г.

B. Ju. Norman

<https://orcid.org/0000-0001-8520-5387>

✉ boris.norman@gmail.com

*Independent Researcher
(Republic of Belarus, Minsk)*

TOWARDS A POETICS OF THE LOWER BODY (FAINA RANEVSKAYA'S LITERARY HERITAGE)

Abstract. Faina Ranevskaya (1896–1984) was a famous Russian comedic and dramatic actress, many of whose utterances eventually became aphorisms. The article, based on documentary sources, analyzes the peculiarities of Faina Ranevskaya's speech, in particular, her penchant for obscene vocabulary (names of the lower body, scatological themes). A large amount of illustrative material is provided. These are dialogical remarks spoken in a theatrical environment (often as a kind of defensive reaction), statements containing a misanthropic assessment of the surrounding reality (recorded in Ranevskaya's surviving letters and notes), critical reflections regarding her own life and work, etc. The obscene language used here boils down to a few main themes. In particular, the public use of the Russian word *zhopa* ('ass') is discussed. Facts are used as a background to discuss attitudes towards this topic in Russian society of the 19th–20th centuries. In addition to a desire to shock others, the reason for such speech behavior may have been age, health, dissatisfaction with personal life, psychological feeling of inferiority, attitude towards a rigid (artificial) literary norm and other social circumstances, etc. The attitude of the actress towards her contemporaries, primarily her theater colleagues (Yu. A. Zavadsky, I. A. Pyryev, N. P. Okhlopkov, V. P. Maretskaya, P. L. Wulf and other), is characterized. An attempt to describe a complex personality psychotype is made. For this purpose, an excursion into the field of practical psychiatry is undertaken. The conclusion lets us admit the possibility of dissociative identity disorder syndrome, which is reflected in speech.

Keywords: Faina Ranevskaya, literary heritage, aphorisms, obscene vocabulary, scatological themes, psychotype, dissociative identity disorder

To cite this article: Norman, B. Ju. (2025). Towards a poetics of the lower body (Faina Ranevskaya's literary heritage). *Shagi / Steps*, 11(1), 303–315. (In Russian).

Received March 22, 2024; accepted January 21, 2025

Известная русская актриса театра и кино Фаина Раневская (1896–1984) не оставила полноценных мемуаров. Как она сама признавалась, она пробовала их писать, но затем уничтожила написанное. Впрочем, какая-то часть аутентичных записок и писем актрисы сохранилась. Сохранились также в большом количестве (по устным воспоминаниям современников) ее высказывания по разным поводам. Многие из этих высказываний афористичны, содержат глубокий смысл и обладают художественной ценностью. Как известно, актриса была резка на язык, особенно по отношению к своим коллегам-современникам, поэтому некоторые ее остроты выглядят обидно и даже желчно. И хотя она старалась удерживаться в рамках литературной нормы, тексты обнаруживают ее интерес к тематике телесного низа. Речь, очевидно, идет не просто об употреблении той или иной ненормированной (или «не вполне нормированной») лексики, но об определенной системе жизненных ценностей и об определенном психотипе.

Мы проанализировали с этой точки зрения издание высказываний актрисы «Анекдоты и тосты от Раневской» [Бекичева 2016]. Хотя тостов тут, вопреки названию, никаких нет, а анекдотами некоторые фразы можно признать с большой натяжкой, тем не менее это наиболее полное собрание доставшихся нам текстов, а вопрос об их аутентичности оставим на совести составителя. Дополнительно в качестве объекта исследования нами привлекались фрагментарные записки, эссе и письма Раневской [Щеглов 2007]. В целом данный корпус текстов дает основания для наблюдений и выводов, касающихся уникального соотношения картины реального мира с миром вербальным, представленным в идиолекте актрисы.

Особое внимание к культуре телесного низа, свойственное литературе эпохи Возрождения (Дж. Бокаччо, Дж. Чосер, Ф. Рабле), было глубоко разъяснено М. М. Бахтиным в его монографии о Рабле. У Бахтина это — неотъемлемая часть «второй жизни» народа, праздничного карнавала, с которым имеет дело «гротескный реализм» [Бахтин 1990: 25–27]. В нашем случае мы понимаем телесно-материальный низ уже, «топографичнее»: это табуированная сфера человеческой физиологии и психологии — все, что связано с функциями выделения и размножения. Изгоняемая из официальной литературы, культура телесного низа чрезвычайно популярна в фольклоре, она же является определяющей в устных текстах субстандарта. В силу ряда причин (прежде всего именно из-за своей табуированности) она обладает особой эстетической маркированностью.

Для высказываний Раневской особенно характерно пристрастие к тематике, которую называют скатологической, но можно было бы проще назвать «анально-фекальной». Это все, что связано с седалищем, выделительной функцией (дефекацией) и сопровождающими обстоятельствами. Всего на протяжении книги «Анекдоты и тосты» [Бекичева 2016] нам встретилось 23 употребления слова *жопа* (+ 5 *задница*, *зад*), 14 употреблений слова *говно* (+ 2 *дерьмо*). Показательны и другие слоты, образующие этот фрейм: *гадить* / *нагадить* — 6, *сортир*, *туалет*, *клозет*, *унитаз*, *кана-*

лизация — 10, моча, ссать / поссать — 4, геморрой — 3, понос, расстройство желудка, касторка, навалить кучу — 6 и т. д. Менее явно, но та же лексическая группа представлена в записках и письмах, собранных Д. М. Щегловым [2007]: здесь также встречаются *жопа, дерьмо, сортир, клозет* и т. д.

Любопытно, что иная лексика, относящаяся к сфере «телесного низа», в частности названия половых органов, видов сексуальных отношений и т. п., у Раневской практически не встречается. Актриса заикливается на одной указанной подтеме. Возникает естественный вопрос о психологической и эстетической мотивировке такого несколько неожиданного уклона в авторских афористике и эссеистике.

Конечно, первая и важнейшая из причин — это желание эпатировать собеседника, ошеломить его стилистическим эффектом. Публичный дискурс (разговоры с театральными коллегами, интервью журналистам и т. п.) никак не предполагает переключения на иной — субстандартный — языковой код. Вводя ненормативную лексику в такой дискурс, говорящий демонстративно нарушает правила общественного приличия. Одна из историй, приводимых в сборнике анекдотов и тостов, — о том, как группа пионеров пришла поприветствовать актрису к ней домой, а та, страдая головной болью и утомленная длинными речами, произнесла: «Пионэры, идите в жопу!» [Бекичева 2016: 205].

Можно себе представить, какой шок испытали благовоспитанные дети, а особенно сопровождавшая пионеров учительница. Раневская же предвидела этот эффект — она к нему, собственно, и стремилась...

Процитируем другую историю.

Раневская постоянно опаздывала на репетиции. Наконец, у Завадского лопнуло терпение и он попросил актеров не замечать актрису, когда она в очередной раз опоздает.

Вбежав в репетиционный зал, Раневская поприветствовала коллег:

— Здравствуйте.

Молчание.

— Здравствуйте, — повторила Фаина Георгиевна громче, но ответа не услышала.

— Здравствуйте.

Ноль внимания.

— Ах нет никого? Тогда пойду поессу [Бекичева 2016: 46].

Еще один случай, приведенный в предисловии к сборнику Д. М. Щеглова.

Почти полвека проработала Раневская в московских театрах. Шесть лет — в Театре Советской Армии, столько же — у Охлопкова, восемь — у Равенских в Театре им. Пушкина. В начале шестидесятых во время репетиции в этом театре ей сделали замечание: «Фаина Георгиевна, говорите четче, у вас как будто что-то во рту». Напросились. «А вы разве не знаете, что у меня полон рот говна?» И вскоре ушла [Щеглов 2007: 4].

Эпатаж — дешевый, но верный способ создания коммуникативного, этического и эстетического напряжения. Говорящий заостряет внимание к своей личности, демонстрируя на публику имидж «человека без пред-рассудков» [Химик 2000: 204]. Предметом (собственно — инструментом) эпатажа может быть обнаженное тело, особенно некоторые его части, физиологические процессы, психические девиации, инцест, насилие, терроризм, наркомания, смерть и т. д. Каждая цивилизация и — уже — культура сама решает, что подлежит табуированию и что, соответственно, может быть сознательно использовано художником, желающим фразировать публику. Все эти явления, воплощенные в субстандартную лексику, за-служивают внимания лингвиста.

В русском фольклоре лексика телесного низа не выглядит инородной (вспомним хотя бы «Русские заветные сказки» А. Н. Афанасьева). В пуш-кинскую эпоху, в период становления литературной нормы, использо-вание ненормативной лексики воспринимается как провокация и вызов (тексты Ивана Баркова и его последователей). В советское время литера-турный эпатаж, отражающий девиантное и антиобщественное поведение, был прямо нацелен на скандал и конфликт с властью (Эдуард Лимонов, Владимир Сорокин, Юз Алешковский и др.). Но в устной речи запреты на использование лексики телесного низа почти не действовали.

Второе возможное основание указанных особенностей текстов Фаи-ны Раневской — лингвистическое: это неудовлетворенность чопорной и жеманной литературной нормой, неприятие ее искусственных запретов и лакун. В том числе актриса испытывала досаду или обиду за отсутствие (или непризнание) в русском литературном языке нейтрального слова, обозначающего ягодичы — естественную и необходимую часть челове-ческого тела (вместе с ее функциями). Уместно вспомнить здесь популяр-ный детский анекдот, отражающий это противоречие:

Училка: — Вовочка, эта какая часть тела человека? (показы-вает на плакате).

Вовочка: — Жопа.

Училка: — Нет такого слова!!! (возмущенно).

Вовочка: — Ну как это?! Жопа есть, а слова нет?! [Анекдоты б. д.].

Кстати, выражение *Жопа есть, а слова нет* стало мемом, особенно по-сле того, как лет десять тому назад в интернете появилась «Песенка про жопу», исполняемая детским голосом. А в основе ее лежала, очевидно, пе-сенка «Маленькая детка», возможно, сочиненная бардом Борисом Подбе-резиным не позже 2007 г.: там эта запретная часть тела именовалась *попа* (благодарю за подсказку Марию Ахметову).

В русской литературе XIX в. слово *жопа* было полулегальным — ко-нечно, «не для дам», но в своем — семейном или приятельском — кругу оно было весьма распространено. Поэт и гусар Денис Давыдов, просла-вивший себя во время Отечественной войны 1812 г., писал в «Гусарской исповеди»:

Где спесь да подлости, вельможа да холоп,
 Где заслоняют нам вихрь танца эполеты,
 Где под подушками потеет столько жоп,
 Где столько пуз зятянуто в корсеты!
 [Давыдов 1987: 115]

И все же долгое время лексема *жопа* (как и многие другие из упомянутых ранее) находилось «за пределами русских словарей» и не допускалось в публичный обиход. Вместо него предлагались эвфемизмы: *ягодицы, пятая точка, место пониже спины, мягкое место, одно место* и т. п. Только с эпохой перестройки это слово заняло свое полноправное место в солидных лексикографических изданиях. Причем в «Большом толковом словаре» под редакцией С. А. Кузнецова фиксируется только два значения этой лексемы: «*Грубо. 1. Часть тела человека ниже спины; ягодицы. <...> 2. Бранно. Скверный, отвратительный человек*» [Кузнецов 1998: 308]. Другие словари фиксируют еще третье значение: «Задний проход, анальное отверстие» [Крысин 2014: 563]. А в «Словаре разговорной речи» В. В. Химика, кроме указанных, приводится еще толкование «О чем-л. отрицательном, неблагополучном (неприятность, неудача, казус)» [Химик 2004: 184]. Понятно, что детабуизация данного слова связана с общим расшатыванием стилистических канонов русского языка. При этом Ф. Г. Раневская использует данную лексему во всех упомянутых значениях, в том числе метафорических и метонимических.

Сама Раневская объясняла это так:

Слово «жопа» нужно внести во все словари. Очень емкое, назвал так кого-нибудь, и не нужно долго объяснять, как ты к нему относишься [Бекичева 2016: 220].

И еще:

Балерина, сморщив носик:

— Фаина Георгиевна, ну что вы все «жопа» да «жопа»...

— А как надо?

— Сказали бы «пятая точка»...

— Это у вас, милочка, точка, а у меня жопа [Бекичева 2016: 74].

Вторая половинка есть у мозга, жопы и таблетки. А я изначально целая [Там же: 81].

— Фаина Георгиевна, вы обещали прекратить говорить непристойное слово «жопа», но обещание не сдержали.

— Обстоятельства не позволили.

— Какие?

— Жоп вокруг слишком много [Там же: 218].

В театре на общем собрании труппы актеры обсуждали коллегу Геннадия Бортникова, обвиняемого в гомосексуализме.

— Это растление молодежи, это преступление! — заявил один из актеров.

— Боже мой, несчастная страна, где человек не может распорядиться своей жопой, — вздохнула Фаина Георгиевна... [Там же: 246–247].

Подцензурность и жеманность советской лексикографии были притчей во языцех. Не случайно уже в постсоветскую эпоху слово *жопа* попало и в «Словарь модных слов» В. И. Новикова с таким комментарием: «Слово многозначное и многострадальное. Трудно даже сказать, сколько веков томилось оно в заточении. Всего лишь двенадцать лет назад оно получило в нашей стране права гражданства, когда в реформированном издании словаря С. И. Ожегова (соавтором которого стала Н. Ю. Шведова) появились ошеломляющие строки...» [Новиков 2005: 47].

Вообще же нужно сказать, что *жопа* было самым «невинным» из тех слов, с которых был снято клеймо «непечатности» в 1988–1991 гг. (история легализации мата и сопровождающих его обцензизмов в русской литературе заслуживает отдельного внимания — см.: [Зорин 1996: 131–136]).

Добавим, что в сборнике Д. М. Щеглова среди оригинальных высказываний Раневской приводятся и фрагменты текстов, принадлежащих другим деятелям культуры, но очевидно, что актрису привлекает в них именно использование обцензизмов — потому она их и воспроизводит, цитирует:

«У души нет жопы, она высраться не может» — это сказал мне Чагин со слов Горького о Шалапине, которому сунули валерьянку, когда он волновался перед выходом на сцену. Он рассказал о деловом визите к Горькому. Покончив с делами, Г. пригласил Чагина к обеду. Столовая была полна народу. Горький наклонился к Чагину и сказал ему на ухо: «Двадцать жоп кормлю!» [Щеглов 2007: 146–147].

Непристойная лексика иной тематики используется актрисой весьма ограниченно, например:

Нянька общалась с водой только в крестной купели. Но колоритна. <...> Сегодня выдавала фольклор. <...> Пошла в лес с корзиной, а там хлеб, и милиционер спрашивает: «Что это у тебя в корзинке, бабушка?» А я говорю: «Голова овечья, да п... человечья». А он хотел меня в милицию загнать. А я сказала: «Некогда мне, на электричку опаздываю» [Щеглов 2007: 148–149].

Потом я засыпаю, и мне снится Пушкин. Он идет с тростью по Тверскому бульвару. Я бегу к нему, кричу. Он остановился, посмотрел, поклонился и сказал: «Оставь меня в покое, старая б[....]!» Как ты надоела мне со своей любовью» [Там же: 184].

¹ Замена в обцененном слове буквы точкой в квадратных скобках осуществлена редакцией. — *Примеч. ред.*

Наконец, в качестве третьей — психологической — составляющей языковой личности Фаины Раневской можно назвать стремление компенсировать некоторое чувство неполноценности. К расцвету своей карьеры Раневская добилась всенародной популярности, работала в ведущих театрах, получила звание Народной артистки СССР, лечилась в Кремлевской больнице (которую, впрочем, охарактеризовала как «кошмар со всеми удобствами») ... Однако при всем внешнем благополучии артистка постоянно чувствовала несвободу, была недовольна своим внешним видом и состоянием здоровья, считала, что ее недооценивают, не дают достойных ролей, жаловалась на невнимание к себе и одиночество и т. п. — типичный случай ипохондрии и мизантропии.

Когда увидела кусок отснятого материала — упала со стула. Представьте гигантскую лиловую жопу, посреди которой торчит мой нос! [Щеглов 2007: 141].

Страшно грустна моя жизнь. А вы хотите, чтобы я воткнула в жопу куст сирени и делала перед вами стриптиз [Бекичева 2016: 119].

— Вы знаете, милочка, что такое говно? Так оно по сравнению с моей жизнью — повидло! [Там же].

— Как жизнь, Фаина Георгиевна?

— Я вам еще в прошлом году говорила, что говно. Но тогда это был марципанчик [Там же].

Депрессивные ламентации, вплоть до эсхатологических прогнозов — постоянное свойство обследованных нами текстов. Правда, в «Анекдотах и тостах» такие примеры разбавлены лирическими и философскими отступлениями, зато в собрании [Щеглов 2007] они представлены в концентрированном и навязчивом виде. Приведем некоторые из них, указывая в скобках только страницу последнего издания:

Скверно все, ненужно (88); Сейчас я ползаю в луже грязной, смрадной (92); В театре Завадского заживо гнию (9); Тоска, смертная тоска! (115); Живу, мучаюсь, как в аду (115); Все мешает работе (124); На меня вылили помойное ведро (131); Какая смертная тоска! (149); Тошно мне (162); Мерзко! (165); И такая печаль, такая печаль (172); Мне все чужое. Люди чужие (177); Одиноко. Смертная тоска (191); Смертное одиночество (194); Тоскливо, нет болезни мучительнее тоски (195); Тоска, тоска, я в отчаянии, такое одиночество (198).

Мизантропия и социопатия актрисы проявляются в постоянных конфликтогенных выпадах. В обоих обследованных нами сборниках сквозит неприязнь и даже ненависть Раневской к Надежде Мандельштам («крокодилнице» и «чудовищу»), Татьяне Тэсс, Ю. А. Завадскому, И. А. Пырьеву, к многочисленным коллегам по актерскому цеху. Приведем несколько характерных цитат.

Есть люди, хорошо знающие, «что к чему». В искусстве эти люди сейчас мне представляются бандитами, подбирающими ключи. Такой «вождь с отмычкой» сейчас Охлопков [Щеглов 2007: 92].

Театр — невыносимая пошлость во главе с Завадским [Там же: 162].

Должна же я хоть на старости лет узнать, что эта сука Верка Марецкая говорит обо мне на партсобраниях [Бекичева 2016: 98].

После очень скучного выступления:

— Сорок минут кряхтел, а говна-то всего кучка. Больше выдать никак не смог [Там же: 301].

Но характерно, что объектом пессимистических и злоязычных оценок Раневской становятся также ее собственные поведение и деятельность:

Одежду ношу старую, всегда неудачную. Урод я [Бекичева 2016: 55].

— Фаина Георгиевна, а вы в кого-нибудь влюблены?

Сказать, что в Качалова или в Станиславского, которых давно нет на свете, сочтут чокнутой. А потому Раневская ответила:

— В себя. Хотя и говно, зато знакомое с детства [Там же: 59].

В мои годы один может быть любовник — домашний клозет [Там же: 125].

Старость — это время, когда свечи на именинном пироге обходятся дороже самого пирога, а половина мочи идет на анализы [Там же: 137].

Мысли о старости перекликаются с попытками самооценки, с желанием подвести итоги творческой деятельности:

Я шла домой и думала: ... [sic!] что сделала я за 30 лет? Что сделала такого, за что мне не было бы стыдно перед своей совестью? Ничего. У меня был талант, и ум, и сердце. Где все это? [Щеглов 2007: 49].

Играю ужасно, постыдно, плохо, грубо. Роль грубая, плохая и примитивная, как ситцевая баба для чайника. За что мне это? Роли не знаю и не хочу знать [Там же: 120].

Иногда репетирую лучше, иногда хуже, но хорошо — никогда. После спектакля мучаюсь тем, что хорошо не играю [Там же: 160].

Можно было бы попытаться объяснить эти пессимизм и злоязычие объективными причинами — старостью и состоянием здоровья и находить тем самым еще одно — медицинское основание указанным особен-

ностям словесного мира актрисы. Однако еще И. И. Мечников показал, что между болезненным состоянием и пессимистическим отношением к жизни, ипохондрией, нет прямой связи, а с возрастом, наоборот, оптимистическое «чувство жизни» должно возрастать [Мечников 1964: 231–235].

И, что любопытно, к писателям, драматургам старшего поколения Фаина Раневская относилась с неизменным пиететом и любовью. В собрании Д. М. Щеглова есть множество признательных и восхищенных слов, обращенных к классикам. Самыми восторженными эпитетами награждаются А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, Н. С. Лесков, А. А. Ахматова (с которой Раневская была близко знакома), Тэффи, К. А. Тренев, Б. Л. Пастернак, И. Э. Бабель, М. А. Волошин, М. И. Цветаева, Б. Шоу...

Чрезвычайно уважительно относилась Раневская и к старшему поколению режиссеров и актеров. Это К. С. Станиславский, А. Я. Таиров, А. Г. Кононен, П. В. Самойлов, О. О. Садовская, балерина Е. В. Гельцер, особенно же Павла Леонтьевна Вульф, которую, судя по запискам, она просто обожествляла. Из современников актриса ценила М. И. Ромма, И. П. Яунзем, из младшего поколения похвалы удостоивались М. М. Неелова, Е. А. Камбурова, И. М. Чурикова и др. «Я не имею права жаловаться — мне везло на людей», — читаем мы и такое признание [Щеглов 2007: 63].

Как объяснить эти странности — даже не перепады настроения и отношения, но — максимализм и полярность в оценках, при в целом пессимистическом взгляде на жизнь?

Очевидно, дело тут в свойствах личности. Известный немецкий психиатр К. Леонгард предоставил нам подробную таксономию психотипов и проверил ее на богатейшем материале мировой литературы. Среди психических характеров он выделяет тип демонстративных личностей (при более выраженной акцентуации — истерических), о которых говорится: «У личностей демонстративного типа жалобы носят подчеркнутый, назойливый характер, так как у них вытеснено нормальное торможение» [Леонгард 1981: 44]. Но тип характера еще определенным образом сочетается с типом темперамента. И здесь мы опять-таки имеем разветвленную классификацию, в которой важное место занимает дистимический темперамент. «Личности этого типа по натуре серьезны и обычно сосредоточены на мрачных, печальных сторонах жизни в гораздо большей степени, чем на радостных» [Там же: 122]. Ученый поясняет: речь идет о естественном развитии индивидуальных черт в жизни человека: «Акцентуация — это, в сущности, те же индивидуальные черты, но обладающие тенденцией к переходу в патологическое состояние» [Там же: 16].

В психиатрии давно известен синдром диссоциативного расстройства идентичности, при котором разные глубинные свойства индивидуума находят себе противоречивые, вплоть до взаимоисключающих, проявления в обыденной жизни [Норман 2021: 48–49]. «Раздвоение» личности проявляется и в ее идиолекте. По-видимому, в случае с Ф. Г. Раневской мы имеем дело именно с таким сочетанием ментальных и эмоциональных свойств, обуславливающим, в частности, ее речевую деятельность. «Я со-

циальная психопатка», — признавалась сама актриса [Бекичева 2016: 81]. А для сравнения и подтверждения приведем мнение современного философа языка, семиотика и психолога: «Если мы возьмем аксиологическую модальность (хорошо — безразлично — плохо), то здесь мы будем наблюдать ту же тенденцию. Безумные и пограничные личности будут тяготеть к идеализации и к обесцениванию — это их специфические механизмы защиты, в то время как нормальные люди будут видеть в разных предметах и объектах как хорошую, так и плохую сторону» [Руднев 2005: 192].

Такие явления, как ипохондрия, мизантропия, депрессия, социопатия, весьма распространены в современном мире. Но нас интересует, как эти психические качества влияют на создание вокруг конкретного человека определенного языкового мира, довольно сильно отличающегося от мира реального. Мы видим, как в текстах, принадлежащих Фаине Раневской, формируется образ языковой личности: некрасивой, одинокой и желчной старой женщины, обозленной на весь мир неудачницы.

Тем не менее в сочетании с несомненными умом и чувством юмора все перечисленные обстоятельства работали и продолжают работать на создание сложного образа Раневской. Этот имидж «человека без предрассудков» она в течение всей жизни поддерживала, он был ее визитной карточкой перед зрителями и слушателями. О том, что привычка злословия стала ее второй натурой, свидетельствуют следующие цитаты:

— Что вы пишете, Фаина Георгиевна, что это за список? Вы, наверное, боитесь забыть кого-то поздравить с праздником?

— Нет. Меня укусила собака, врач сказал, что возможно бешенство. Составляю список тех, кого нужно успеть укусить, пока жива [Бекичева 2016: 94].

— Фаина Георгиевна, вам нравится оскорблять и унижать людей?

— Кто вам сказал, что нравится? Может, я делаю это с усилием? [Там же: 149].

На репетициях с Фаиной Георгиевной иногда бывало невыносимо сложно. Полностью выкладываясь, она требовала этого же и от окружающих, даже от новичков, и, имея привычку не сдерживать эмоции, нередко оскорбляла тех, с кем работала. <...> После одного из таких выпадов Завадский потребовал:

— Фаина Георгиевна! Немедленно принесите извинения!

Раневская, еще не остыв от возмущения, фыркнула:

— Примите мои оскорбления... [Там же: 165].

Не могу жить без печатного слова. Впрочем, без непечатного тоже [Там же: 286].

Любая уникальная личность укладывается в общую классификацию психотипов. Исследование ее — дело социологов, психологов, психиатров. Конечно, рискованно делать заключение о психотипе личности на

основании нескольких сотен подобранных высказываний — тем более что многие из этих реплик были спровоцированы окружающими и, по сути, воплощали в себе «средство психологической защиты». Однако с лингвистических позиций представляет интерес использование субстандартной лексики как одной из ярких черт языковой личности. И, в частности, мы видим, что номинации, относящиеся к области телесного низа, занимают в лексиконе Раневской такое же доминантное положение, как представители вербальных тем «театр», «здоровье», «тоска». Можно сделать и более общий вывод: персональный уровень «нормы», устанавливаемый говорящим применительно к публичному общению, становится признаком его идиолекта.

Источники

- Анекдоты б. д. — Анекдоты про Вовочку // Lib.ru. [Б. д.]. URL: <http://www.lib.ru/ANEKDOTY/wowochka.txt>.
- Бекичева 2016 — Анекдоты и тосты от Раневской / [Сост. Ю. Бекичева]. М.: АСТ, 2016.
- Давыдов 1987 — Давыдов Д. Стихотворения. Проза. М.: Сов. Россия, 1987.
- Щеглов 2007 — Щеглов Д. Фаина Раневская: «Судьба — шляха». М.: Астрель; АСТ, 2007.

Словари

- Крысин 2014 — Толковый словарь русской разговорной речи / Под ред. Л. П. Крысина. Вып. 1: А — И. М.: Языки славянской культуры, 2014.
- Кузнецов 1998 — Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.
- Новиков 2005 — Новиков В. Словарь модных слов. М.: Зебра Е, 2005.
- Химик 2004 — Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004.

Литература

- Бахтин 1990 — Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худ. лит., 1990.
- Зорин 1996 — Зорин А. Легализация обценной лексики и ее культурные последствия // Анти-мир русской культуры: Язык. Фольклор. Литература / Сост. Н. Богомолов. М.: Ладомир, 1996. С. 121–139.
- Леонгард 1981 — Леонгард К. Акцентуированные личности / Пер. с нем. В. М. Лещинской. Киев: Вища школа, 1981.
- Мечников 1964 — Мечников И. И. Этюды оптимизма. М.: Наука, 1964.
- Норман 2021 — Норман Б. Ю. Раздвоение личности с позиций психологии и лингвистики // Вопросы психолингвистики. Т. 47. № 1. 2021. С. 48–61. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2021-47-1-48-61>.
- Руднев 2005 — Руднев В. П. Словарь безумия. М.: Независимая фирма «Класс», 2005.
- Химик 2000 — Химик В. В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб.: Филол. ф-т С.-Петерб. гос. ун-та, 2000.

References

- Bakhtin, M. M. (1990). *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaia kul'tura srednevekov'ia i Renaissance* [The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Khudozhestvennaia literatura. (In Russian).
- Khimik, V. V. (2000). *Poetika nizkogo, ili Prostorechie kak kul'turnyi fenomen* [Poetics of vulgar language, or Popular language as a cultural phenomenon]. Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russian).
- Leonhard, K. (1976). *Akzentuierte Persönlichkeiten*. Volk und Gesundheit.
- Mechnikov, I. I. (1964). *Etiudy optimizma* [Studies of optimism]. Nauka. (In Russian).
- Norman, B. Ju. (2021). Razdvoenie lichnosti s pozitsii psikhologii i lingvistiki [Personality disorder in terms of psychology and linguistics]. *Voprosy psikholingvistiki*, 47(1), 48–61. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2021-47-1-48-61>. (In Russian).
- Rudnev, V. P. (2005). *Slovar' bezumiia* [Dictionary of madness]. Nezavisimaia firma "Klass" (In Russian).
- Zorin, A. (1996). Legalizatsiia obstsennoi leksiki i ee kul'turnye posledstviia [Legalization of obscene vocabulary and its cultural consequences]. In N. Bogomolov (Ed.). *Anti-mir russkoi kul'tury: Iazyk. Fol'klor. Literatura* (pp. 121–139). Ladomir. (In Russian).

Информация об авторе

Борис Юстинович Норман

доктор филологических наук, профессор
независимый исследователь
Республика Беларусь, Минск
✉ boris.norman@gmail.com

Information about the author

Boris Justinovich Norman

Dr. Sci. (Philology), Professor
Independent Researcher
Republic of Belarus, Minsk
✉ boris.norman@gmail.com